

и вспомни!» Возможно, для одного или нескольких экземпляров подаренных фотографий такая надпись может означать определённый смысл. В собирании книг, когда количество воспоминаний может быть равно числу собранных книг, по моему мнению, больше подходит другой призыв: «Посмотри и вспомни». Если же тебе представляется возможность вспомнить, таким образом, свою жизнь, при наличии в твоей библиотеке, например, одной тысячи книг, то это означает, что из тысячи часов, минут или других промежутков времени, которые ты бы мог не помнить, а, значит, «вычеркнуть» из жизни, ты теперь это всё вспомнишь, и, более того, по-новому переживаешь. Мне представляется, что таким образом, конечно, с помощью теории относительности ты удлиняешь свою жизнь и расширяешь своё видение прожитого.

«Мой первый друг, мой друг бесценный»

Счастливая и полноценная жизнь каждого человека может состояться лишь при условии удачного выбора жены (мужа), друзей и профессии. Причём каждый может для себя определить значимость этих факторов в своей жизни и, соответственно, перечислять их в иной последовательности. Но то, что соблюдение всех трёх условий необходимо любому человеку — истина в последней инстанции. Раздумывая на эту тему дальше, можно отметить одну особенность каждого из них — выбор жены (мужа) и

профессии (специальности) обычно оформляется документально для признания их в обществе, и только выбор друзей не требует общественного признания и потому становится интимным делом двух человек. Для дружбы никаких документов не требуется. Поэтому, если жену или мужа, специальность и профессию в течение жизни можно заменить, получив соответствующие бумаги, то друзей заменить одного на другого невозможно, можно лишь пытаться увеличивать их число и стараться их не терять. Как в известном стихотворении Расула Гамзатова: «... опасайтесь потерять друзей». Именно с друзьями ты общаешься в жизни, ни по долгу, ни по обязанностям, а исключительно по обоюдному желанию. Это обстоятельство позволяет причислить время, проведённое в общении с близкими друзьями, к лучшим часам в твоей жизни! А иногда, может быть, к ним можно и добавить минуты, когда ты просто про себя вспоминаешь, что у тебя есть такой близкий друг.

В моей жизни стопроцентной удачей можно считать дружбу с Орестом Касимовым. Судьба мне его послала в 1952 году, и с тех пор более 50 лет он оставался моим первым другом. Надеюсь, если бы он писал подобные заметки, то он использовал такие же слова. А, может быть, и выразился лучше не потому, что его дружеские чувства были бы горячее, а потому, что он сумел бы их лучше выразить. Глубоко интеллигентный, неизменно доброжелательный, широко образованный, его любили все, кто с ним сталкивался хотя бы один раз (и мужчины, и женщины). Мы, работая в совершенно различных отраслях, были до-

статочно много загружены творческой деятельностью и потому небольшое свободное время стремились как можно чаще проводить вместе. За 52 года дружбы мы более половины из них встречали вместе, 15 раз нам удавалось совместить наше отпускное время. Мы с ним совершили три крупных автомобильных путешествия по стране, а малым — не счесть числа.

Очень быстро мы обнаружили, что наши интересы в области книголюбия и книгособирательства совпадают. Для меня, начинающего в то время собирателя, оказалось очень удачным, что Орест, будучи на 5 лет старше меня, хорошо ориентировался в книгах, изданных в тридцатые годы. И не только хорошо ориентировался, но и захотел многие из них собрать, так как, находясь все годы войны на фронте, их утратил. Таким образом, некоторое время его собирательские интересы становились для меня как бы частью начальной школы собирательства...

Я уже в одном из рассказов говорил, что мои детские годы, с 1934 до 1941, прошли в Харькове. Хотя в то время я уже интересовался книгами (чтением и собирательством), всё же круг моих интересов был серьёзно ограничен двумя факторами — возрастом и относительной бедностью семьи. Поэтому о большинстве книг, вышедших из печати в тридцатые годы, я почти ничего не знал. Между тем, в эти годы, несмотря на крутые перемены, происходившие в стране, вышло немало книг, представляющих интерес со всех сторон собирательства. Много книг было издано в связи с отмечаемой в 1937 году столетней годовщиной гибели на дуэли Пушкина. Отдельные из них могут считаться образцом

полиграфического искусства. Издавались книги иностранных авторов, причём ряд из них (Хемингуэй, Олдингтон, Ремарк) впервые на русском языке.

Начали издаваться собрания сочинений Бальзака, Мопассана и ряда других писателей-классиков. Естественно, что об этом мальчик из Харькова, куда эти книги, издававшиеся небольшими тиражами, доходили в ограниченных количествах, ничего не знал. Харьков в те годы был, как бы, четвёртым городом по значению и численности населения в стране после Москвы, Ленинграда и Киева.

Книги издательства «Academia», ликвидированного в 1937 году, в конце тридцатых были уже распроданы, и их можно было увидеть лишь на полках букинистических магазинов, а их в Харькове до войны было несколько, но я туда ещё не ходил. Годы Великой отечественной войны мне знаний по книголюбительству не добавили.

В течение почти всех лет дружбы мы собирали книги вместе. Он не раз бывал со мной во многих букинистических магазинах Москвы и Ленинграда и при покупке книг давал мне полезные советы. Я же всегда, где бы ни был, приобретая книги, учитывал его книгособирательские интересы, которые, кстати, были подчас необычными. Так, имея сочинения Пушкина в ряде современных изданий, он просил помочь ему подобрать шеститомное собрание, изданное издательством «Academia», роскошное в полиграфическом исполнении, но достаточно большое по формату.

Это сделать было не просто. Собрание считалось редкостью, несмотря на относительно большой тираж

для издательства «Academia», оно в продаже целиком вообще не встречалось, а отдельные тома попадались достаточно редко. Задача осложнялась тем обстоятельством, что это, по-своему роскошное издание на своей полке виделось только в отменном виде.

Но за несколько лет всё-таки удалось найти 6 томов в отличном состоянии. Он был очень доволен. Когда же я его спросил: «Почему 20 лет спустя после выхода этого издания в свет оно тебя интересует?» — «В мои 15-16 лет я первый раз читал всего Пушкина именно в этом издании, и память об этих чудесных часах в моей жизни я хотел бы оставить навсегда» — был мне ответ.

Трогательное отношение Орест сохранял к романам и рассказам Джека Лондона, которые он читал в детские и юношеские годы в издании «ЗиФ», приложение к журналу «Всемирный следопыт». Именно это наиболее полное издание писателя в советское время предварялось фразой: «Джек Лондон — быть может, наиболее читаемый писатель настоящего времени». Это было написано в 1928 году.

Орест очень хотел собрать это издание. Ему в этом повезло. Сначала он Д. Лондона собрал в составе отдельных томов и выпусков, а это 24 тома или 48 выпусков. Потом с моей помощью удалось купить хороший комплект собрания в обложках, все 48 выпусков. И самое значительное в этом деле! В конце 50х годов можно было приобрести специальные покрытия переплётов, на которых очень красиво был нанесён рисунок обложек Лондона. При этом нанесённый на коленкор или ледерин (не помню) рисунок оказался

изящнее, чем на обложках. Многотомное собрание получилось очень красивым. Оно и поныне украшает полки библиотеки Ореста. Насколько я помню, таких экземпляров переплётов было изготовлено 2-3 десятка комплектов, так что в наше время это большая библиографическая редкость. А то, что Лондона будут читать в мире ещё многие десятилетия — не сомневаюсь. Даже в наши беспокойные для чтения классической литературы годы мне нередко встречаются попутчики в метро с тем или иным томиком Д. Лондона. Уж очень жизнеутверждающе звучат его произведения! И читаются ничуть не менее занимательно, чем наилучшее современное криминальное чтиво.

Любил Орест и книги издательства «Academia». Кропотливо и тщательно он их подбирал. В основном те, которые он читал и любил в довоенные годы, а также мемуары русских деятелей, вспоминающих о времени Пушкина и о судьбе декабристов. В его библиотеке насчитывается несколько десятков книг так называемой «Пушкинианы», т. е. книг о жизни Пушкина, его семьи и друзей. Оресту удалось собрать полностью серию «Русская быль» и переплести её в весьма красивые 8 томов. Любил он творчество американских писателей. Кроме собрания Д. Лондона он имел собрания Драйзера в издании 1950х гг., О. Генри в издании «Мысль» двадцатых годов, Э. По в издании «Просвещение» десятых годов XX века.

Когда же я его спросил: «Зачем тебе книга «Опасные связи» Шадерло де Лакло непременно в издании «Academia», ведь этот роман уже неоднократно пе-

реиздан?», последовал горячий ответ: «По-твоему, я могу перечитывать этот роман в каком-нибудь другом издании?!» Академические «Опасные связи» — книга редкая и довольно высокоценная, тем не менее Орест её добыл. Действительно, трудно даже себе представить более удачное издание для книги, написанной в XVIII веке, носящем, по крайней мере для европейских стран, звучное имя «галантного» века. Иллюстрации французских художников Фрагонара, Монне и м-ль Жерар являются неотъемлемой частью этого блестящего издания.

Библиотека Ореста не есть библиотека-коллекция, а библиотека, соответствующая вкусам хозяина. На мой взгляд, это наилучший вариант собирательства книг. Он это сделал великолепно, впрочем, как и всё остальное, что Орест делал в жизни.

Книжное собирательство и цены

Мы уже говорили, что для собирателя коллекции антикварных книг присутствуют три главнейших момента определения их ценности — содержание книги, её форма и степень редкости. При этом степеней редкости можно различить две. Одна — это малое количество изданных или сохранившихся экземпляров этой книги, и вторая — это редкость, а зачастую и уникальность конкретного экземпляра (с его особенностями, пометками и т. п.).

Учитывая исключительно важную роль для каждого собирателя категории цены книги, мне хочется не-

много поразмышлять о ней. Ведь если гипотетический собиратель не имеет достаточно материальных средств для приобретения книг, то его коллекция попросту не состоится. И это несмотря на то, что возможный собиратель хорошо подготовлен для этой деятельности, т. е. знает историю стран, в т. ч. их культуру и литературу, и с увлечением собирал бы коллекцию, если бы его доходам могли соответствовать цены на книги. В то же время сравнительно невысокие цены на книги могут способствовать тому обстоятельству, что книги легко попадут к людям, имеющим высокий уровень доходов, и их приобретение не станет для них стимулом к изучению самих книг, их истории, т. е. всего архиполезного, что заключается в расширении кругозора людей, их собирающих.

В соответствии уплаченной цены с объективной ценностью (как правило, конечно, условной) приобретения и заключается первый шаг проявления интереса к купленному (или другим путём полученному) экземпляру. Как мне представляется, такое кажущееся несоответствие подогревает интерес собирателя к более глубокому изучению приобретённого экземпляра, в поисках невыявленных доселе достоинств. Для этого надо читать и читать!!! Библиографические справочники, другую соответствующую литературу, вплоть до различных энциклопедий.

Размышляя подобным образом, можно прийти к мысли, что цена антикварной книги может считаться, наряду с содержанием книги, её формой и степенью редкости, четвёртым важнейшим фактором, влияющим на интерес библиофила-собирателя к